

Сны у лис всегда тягучие, длинные, подернутые хмельной дымкой сладострастия. Когда Ху Цзюмин потянулся и открыл глаза, в его зрачках еще теплился сонный призывный блеск. Окончательно придя в себя, он обнаружил, что лежит на белом даосском одеянии. Чуть поодаль сиротливо чернели угли давно потухшего костра. Оборотень поднял голову — бесстрастного даоса в белоснежных одеждах, к которому он так сладко прижимался всю ночь, и след простыл.

Ху Цзюмин мгновенно похолодел. Отряхнув пушистую шкуру, Ху Цзюмин поднялся на лапы. В то же мгновение над его головой с тихим хлопком лопнул прозрачный защитный купол. Оборотень бережно подобрал зубами оторванный лоскут даосского подола, спрятал его и принялся. Уловив едва заметный след на ветру, он стремительной тенью метнулся в чащу. Пусть этот неблагодарный — всего лишь упрямый монах, но он стал первым мужчиной, разделившим с ним ложе. Бросить его вот так, посреди леса? Какая неслыханная дерзость!

Земли Великой Ся делились на десять бескрайних континентов, и Столица Вечного Веселья раскинулась на самом обширном из них — Континенте Феникса и Единорога. Очертания его были причудливы, но если взглянуть с небесных круч, в изрезанных берегах угадывался силуэт исполинской птицы, расправившей крылья для полета. На самом севере континента, пронзая облака, высилась восьмирубежная Башня Подавления Демонов. Вокруг ее исполинского подножия на сотни ли простиралась мертвая, выжженная пустошь. Саму башню опутывали разноцветные ленты заклятий и мириады изящных артефактов, сиявших издали обманчивой, почти праздничной красотой. Но горе тому, кто поддался бы этому очарованию: за нарядным фасадом скрывалась вечная тюрьма для нечисти.

Дряхлая повозка, запряженная старым волом, лениво перевалила через перевал Горы Лунной Реки, спускаясь к первому северному форпосту столицы — Городу Лунной Реки. Минувя вершину, Цзи Цин мимоходом глянул на север. Там, на самом краю горизонта, проступал грозный силуэт Башни Подавления Демонов, окутанный клубами удушливой черной ауры. Въехав в городские ворота, даос отыскал неприметный, тихий трактир. Взглянув на потертую зеленую вывеску с вырезанными иероглифами «Обитель Едоков», Цзи Цин равнодушно отметил про себя, что в прошлых жизнях ноги его здесь не было.

Поручив повозку и вола расторопному слуге, Цзи Цин протянул трактирному зазывале свой верный нефритовый кувшин с неизменной просьбой: наполнить до краев. Понимая, что на это уйдет какое-то время, даос устроился за колченогим столиком в самом темном углу зала. За соседним столом шумно расположилась компания столичных щеголей в парчовых халатах и нефритовых поясах. Обмахиваясь расписными веерами, они оживленно перешептывались, делясь свежими сплетнями.

В бытии полубессмертного скрывались как свои благословения, так и проклятия. Обостренное восприятие сыграло с Цзи Цином шутку: даже против воли до его слуха долетали обрывки чужих разговоров.

— Слыхали? В наш Город Лунной Реки прибыла сама старшая принцесса Великой Ся! Что же вы не поспешили выразить почтение?

— О каком почтении речь, любезный? Нам туда соваться нечего. Слышал я, что принцесса хоть и писаная красавица, да нрав у нее диковинный. Обычные изнеженные книжники да столичные франты ей не по вкусу, подавай ей суровых мужей, что умеют нечисть изводить да демонов укрощать. Она ведь затем сюда и пожаловала, прослышав, что на нашем Континенте Феникса и Единорога знатных мастеров пруд пруди. Ищет себе суженого под стать...

Сплетники распалялись все сильнее, позабыв о приличиях благородных господ и увлеченно перемывая кости императорской дочери.

Наконец из погреба поднялся слуга с полным кувшином. Цзи Цин расплатился, оставив щедрые чаевые, забрал вола и без лишней спешки покинул городские стены. Проезжая мимо центральной площади, он заметил у высокого жертвенника толпы людей. Монахи в расшитых ризах, бродячие заклинатели с диковинными артефактами в руках — все они целеустремленно спешили к помосту, едва не сбивая друг друга с ног. Даос лишь равнодушно скользнул по ним взглядом. Суэта мирская его не касалась, а чужие заботы мало трогали его свободную душу.

Тем временем гибкая серебристая тень взлетела на кручи Горы Лунной Реки. Среди изумрудной листвы изящная фигурка лиса казалась совсем крошечной. Беглец торопился: некогда безупречный пушистый мех запылится, а сам Ху Цзюмин выглядел порядком взъерошенным. Не будь дело столь спешным, он ни за что не позволил бы себе предстать в столь неподобающем виде — ведь безупречный облик всегда оставался для него делом первостепенной важности.

Спустившись к подножию, он наткнулся на тихую речушку, изогнутую идеальным полумесяцем. Припав к хрустальной воде, лис залюбовался своим отражением. Он лениво подумал: стоит ли при новой встрече с тем невозмутимым даосом сразу принять человеческий облик и обольстить его без памяти, чтобы тот сам умолял остаться?

Погрузившись в сладкие грезы, оборотень слишком поздно почувал неладное. Древний звериный инстинкт завопил об опасности, но прежде чем он успел отпрянуть, с небес рухнула тяжелая железная клетка, густо покрытая бурыми пятнами запекшейся крови. С тяжелым плеском она накрыла лиса, увлекая на речное дно.

Смрад чужой крови и удушливая темная магия, исходившая от прутьев, не оставили сомнений — он угодил в ловушку опытного ловца. Лис попытался сжаться в комок, надеясь проскользнуть между железными прутьями, но проклятый артефакт словно ожил: клетка сужалась вслед за его телом, намертво удерживая добычу внутри.

На берегу слышались тяжелые, размеренные шаги. Ху Цзюмин вскинул голову. К воде спускался человек в сером дорожном халате. Половину его лица скрывала холодная маска, пояс ломился от всевозможных оберегов и кандалов для нечисти, а за спиной покачивался прямоугольный плетеный короб.

Фан Синьтянь небрежно повел рукой, заставляя мокрую клетку подняться из воды и зависнуть прямо перед собой. Прищулив узкие глаза, он долго разглядывал промокшего до нитки лиса.

Наконец он произнес хриплым, надтреснутым голосом:

— Надо же... Какая редкая добыча. Чистейшая порода.

Заметив ярость, бушующую в янтарных глазах оборотня, ловец лишь презрительно усмехнулся. Он резко сжал кулак, и железные прутья отозвались ослепительным белым сиянием, которое мертвой хваткой впилося в тело несчастного зверя.

Смертоносный свет хлынул под шкуру Ху Цзюмина, отзываясь дикой, раздирающей болью. Казалось, яд въедается в самые кости, выжигая плоть изнутри. Содрогаясь от невыносимых мук, лис бессильно рухнул на дно клетки, а перед глазами всё застлала багровая пелена.

"Тварь останется тварью, дикую кровь не усмирить лаской, — донесся до него ледяной шепот ловца, рассуждавшего вслух. — Без хорошей порки такую бестию принцессе не поднесешь. Ничего, укрошу. А как получу желаемое, тогда и сам позабавлюсь с тобой"

Тем временем от ворот Города Лунной Реки на север змеился широкий тракт, огибающий подножие горы. По этой дороге, мерно покачиваясь, катилась причудливая повозка с крытым зеленым верхом. Старый медлительный вол тащил ее под неторопливый перезвон колокольчика: «динь-дон, динь-дон».

Прохожие удивленно тыкали пальцами вслед странному экипажу: «Надо же, диво какое! Обычному быку — и ладный дорожный экипаж вместо простой телеги! Ну и чудак!» Но Цзи Цин пропускал досужие толки мимо ушей. Живи он по чужим указкам, разве остался бы самим собой?

Фан Синьтянь, шагавший по обочине тракта с драгоценной ношей, тоже заметил нелепую повозку. В отличие от праздных зевак, он не проронил ни слова, лишь проводил ее долгим, изучающим взглядом.

Вол шел не спеша, и когда повозка поравнялась с ловцом, изнутри донесся слабый, едва различимый шорох. Впрочем, экипаж не замедлил ход и так же мерно покатылся дальше на север. Убедившись, что странный путник скрылся за поворотом, Фан Синьтянь развернулся и направился к городским воротам.

На главной площади Города Лунной Реки, увенчанная лучами полуденного солнца, высилась ритуальная платформа. На ней, скрытая от толпы полупрозрачным балдахином, восседала дева в алых шелках. Снизу виднелся лишь ее изящный, гибкий силуэт да высокая утонченная прическа. Солнечный свет очерчивал ее неземной контур, заставляя усомниться, смертная ли перед ними. Тонкий, едва уловимый аромат благовоний струился с высоты помоста, будоража умы собравшихся мужчин.

Несколько заклинателей одновременно взлетели на помост, замерев на почтительном расстоянии друг от друга. Посреди возвышения курилась исполинская бронзовая чаша, в

которой догорала длинная ритуальная свеча. Время неумолимо таяло вместе с воском, пока последнее пламя не угасло, и серый пепел беззвучно не осел на дно курильницы.

Как только последняя искра погасла, стоявший подле принцессы евнух в фиолетовом халате резко ударил в нефритовый гонг.

— Время вышло! — пронзительно возвестил он.

Облаченная в багрянец принцесса поднялась со своего ложа. Легкий порыв ветра колыхнул ее тонкую шелковую вуаль, приоткрывая безупречные черты. Претенденты на ее руку затаили дыхание. Фан Синьтянь, затерявшийся среди них, оставался невозмутим — его взгляд за прорезями маски был холоден и пуст.

Окидывая спокойным взглядом семерых смельчаков, принцесса грациозно указала на резную нефритовую шкатулку, которую держала служанка.

— В этом ларце покоится священная подвеска, дарованная моим державным отцом. Тот, кто докажет свое право владеть ею, отправится со мной в столицу и предстанет пред ликом Его Величества.

Мелодичный голос заставил мужчин переглянуться. Смысл испытания был ясен каждому: победитель получал не просто безделушку, а надежду стать зятем императора и получить титул зятя правителя Великой Ся. Принцесса взяла из рук служанки тонкий нефритовый жезл и, медленно ведя им вдоль строя, указала на троих избранных, повелев остальным удалиться.

Когда проигравшие покинули помост, главный евнух сухо скомандовал:

— Покажите ваши трофеи. По одному.

Первый из оставшихся, плечистый громила, извлек из-за пазухи лаковую черную кость. Стоило ему встряхнуть ее, как в облаке темного дыма соткался жутковатый мотылек с человеческим лицом. Второй претендент, похожий на странствующего ученого, распахнул узорчатый веер — и из бумажных складок с криком вырвалась сияющая огненная птица с роскошным павлиньим хвостом.

Последним шагнул вперед Фан Синьтянь. Скрытый серебряной маской, он хранил безмолвие. Ловец лишь небрежно взмахнул рукавом, и в воздухе соткалась круглая стальная клетка. Внутри нее, сжавшись в пушистый комок, сидел белоснежный лис. Он прижал чуткие уши к голове и злобно всматривался в толпу серебристыми глазами.

Ху Цзюмину еще никогда в жизни не приходилось терпеть подобное унижение. Но пуше прежнего его грызла обида на холодного даоса: он ведь точно чуял его ауру на тракте! Однако упрямый монах даже пальцем не пошевелил, чтобы вытащить его. Оборотень незаметно

выронил припрятанный лоскуток ткани на дно клетки и в ярости притоптал его лапами.

"Ну погоди, святоша, — злобно подумал лис, озираясь по сторонам, — только попадись мне снова!"

Старшая принцесса, искушенная в делах духовных, сразу оценила редкую породу белого лиса. Одобрительно взглянув на загадочного ловца, она молвила:

— Могу ли я просить почтенного мастера явить свое истинное лицо?

Фан Синьтянь послушно прикоснулся к виску и снял серебряное забрало. Под ним оказался на удивление благородный лик: белоснежная кожа, сияющие бездонные глаза и тонкие брови, подобные далеким горным хребтам. Осанка его дышала врожденным величием. Ху Цзюмин тоже мазнул по нему взглядом и презрительно фыркнул. До истинной красоты этому выскочке было далеко — он уступал не только самому девятихвостому оборотню, но даже тому суровому даосу.

Во взоре принцессы вспыхнул искренний интерес.

— Подойдите ближе, молодой господин, — нежно произнесла она.

Нацепив маску обратно, Фан Синьтянь в сопровождении слуг ступил на лестницу, ведущую к ложу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как прямо перед ним, словно соткавшись из воздуха, возникла фигура в безупречно белом даосском одеянии.

Под удивленными взглядами толпы незваный гость преградил ловцу дорогу и ровно произнес:

— Отдай его мне.

<http://bllate.org/book/20393/2130756>